

МАТЕРИНСКАЯ *любовь* — НЕЛЮБОВЬ

рассказ о той,
что носит её имя

ЛИЛИЯ МЕДОВАЯ

Лилия Медовая

Материнская

любовь — нелюбовь

<https://litres.ru/74082571>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник из четырёх историй, услышанных и прожитых автором на одной тихой улице небольшого города. Все они правдивы, изменены только имена.

Молодая мать оказывается за решёткой в те самые месяцы, когда её трёхлетняя дочь борется с раком крови. Двое братьев-погодок растут порознь: одного мать оставляет при себе, другого отправляет из дома. Седой мужчина за пятьдесят так и не находит ответа на вопрос, который должны были закрыть, когда ему было пять, — любила ли его мать? А сама рассказчица растит тяжелобольного сына вопреки всему, что говорили врачи.

Материнскую любовь привыкли считать самой надёжной опорой на свете. Но что остаётся, когда из двух детей выбирают одного, а стена вдруг даёт трещину?

Строки из Книги пророка Исаии, мусульманских преданий и слов Будды сходятся в этих рассказах в одном: нет ничего выше материнской любви — и нет ничего горше её отсутствия.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лилия Медовая

Материнская любовь — нелюбовь

Глава

На правах рукописи

«Забудет ли женщина грудное дитя своё, чтобы не пожалеть

*сына чрева своего? Но если бы и она забыла,
то Я не забуду тебя».*

— Книга пророка Исаии, 49:15 (Синодальный перевод)

«И сказал Пророк, мир ему: рай — под ногами матерей».

— из мусульманского предания

Вместо предисловия

Любовь бывает разная. К жизни. К мужчине. К ремеслу, к родной земле, к самому утру, в котором ещё пахнет хлебом. Но есть на свете одна любовь, о которой не спорят, — её принято считать самой простой и самой надёжной из всех.

Любовь матери к ребёнку. О ней пишут на открытках, ею клянутся, на неё, как на каменную стену, опираются целые народы.

А я хочу рассказать вам несколько историй, в которых эта стена то стоит непоколебимо, то даёт трещину, то и вовсе оборачивается не тем, чем казалась. Потому что есть матери, готовые жизнь положить за дитя, а есть и такие, в ком это чувство просто молчит — будто струна, которую забыли натянуть. И самое страшное не в том, что кто-то любит мало. Самое страшное — когда из двух детей выбирают одного.

Все истории здесь правдивы. Я изменила имена, кое-где сместила приметы времени и места — чтобы не ранить живых и не тревожить ушедших. Но сами истории — настоящие. Я слышала их своими ушами, а некоторые прожила сама. Записывала я их на одной тихой улице Д. — в городе, каких в нашей стране сотни. И мне кажется, такая улица есть в каждом из нас.

История первая

Саша, или Цена материнской ошибки

В хосписе время идёт иначе. Там не торопятся, потому что торопиться больше некуда, и от этого люди делаются настоящими — с них будто снимают всё лишнее, всю шелуху, которой мы обрастаем в обычной жизни. Там я и познакомилась с Сашей.

У неё была тогда одна дочь и очень тихий голос. Дочку

назовём Анютой. Саша родила её в двадцать лет — самый обычный возраст, когда впереди ещё кажется, что всё успеется, всё сложится. А когда Анюте было три года, ей поставили диагноз, от которого у любой матери земля уходит из-под ног: лейкоз. Рак крови.

Дальше начинается та часть истории, которую Саша рассказывала, не поднимая глаз. Лечение стоило денег, которых не было. И тогда знакомые — те самые «добрые люди», что всегда оказываются рядом в чужом горе, — предложили ей выход. Не собирать пожертвования, нет. Оформить на себя фирму, провести через неё чужие деньги, а потом объявить себя банкротом. А фирма, на минуточку, занималась продажей квартир. Она была молода, она была в ужасе, у неё на руках умирал ребёнок. Она подписала несколько бумаг.

А потом остановилась. Что-то в ней сказало: нет. «Я понимаю, чем это грозит, — сказала она тем людям. — Я не хочу этого. Пусть лучше будет открытый сбор, пусть помогают благотворительные фонды». Она отказалась. Но было поздно: дело уже катилось, как камень с горы, и за спиной у тех, кто его запустил, стояли люди из системы и люди из тени. Шли двухтысячные. Колесо провернулось без неё.

Её судили за мошенничество. И — вдумайтесь — её посадили. Несмотря на то, что дома оставался тяжелобольной ребёнок-инвалид. Несмотря на то, что от самой затеи она отказалась. Полтора года она провела в местах лишения свободы. Полтора года вдали от дочери, которая в это время бо-

ролась за каждый свой вдох.

* * *

Свою историю Саша рассказала мне не сразу. Поначалу она просто часто плакала, и я думала — из-за ребёнка, из-за болезни, как же иначе. Я просто была рядом, поддерживала её, не лезла с расспросами. А однажды услышала, как она тихо, чтобы никто не разобрал, почти кричит в телефонную трубку: «Я себя ненавижу. Что потеряла полтора года без доченьки». Вот тогда я поняла, что её плач — не только о болезни. Он и о тех полутора годах, которые у неё отняли и которые не вернёт уже никто.

«Самое мучительное, — говорила мне Саша потом, когда наконец открылась, — была разлука. Не стены. Не решётки. А то, что я не могла подойти и положить ей руку на лоб».

Здесь я должна остановиться и сказать одну вещь, которую поняла, только слушая её. Мы привыкли мерить человека его прошлым. У нас полстраны прошло через эту систему — а толку? Человек ведь не равен своей судимости. В нашей стране, бывает, и в депутаты идут с погашенной судимостью — и ничего, и это, как говорится, ни о чём не говорит. Так почему же о матери, оступившейся однажды от любви, мы судим строже, чем о ком бы то ни было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.